

Ominayashi

*Карта
семи
ветров*

Ominayashi

Карта семи ветров

«Автор»

2026

Ominayashi

Карта семи ветров / Ominayashi — «Автор», 2026

В далёком будущем, где Солнечная система управляется с помощью особой навигационной карты, два пилота — Пайпер и Рэм — получают опасное задание: доставить копию этой карты во Внутренний Флот. Карта, разделённая на два слоя, хранится у каждого из них, и её потеря может стоить системе независимости. Во время миссии выясняется, что кто-то украл слой карты у Пайпер, а за ними охотится таинственный Коллектив — организация, стремящаяся уничтожить существующий порядок. Пайпер обладает уникальным даром чувствовать пространство и корабли, а Рэм — способностью читать карту кожей. Вместе они преодолевают смертельные ловушки вероятностного пояса астероидов, Рифовых Ворот и атаки врагов.

© Ominayashi, 2026

© Автор, 2026

Ominayashi

Карта семи ветров

Карта семи ветров

Глава 1. Пайпер и ветер с границы

Пайпер проснулась от того, что кто-то дышал ей в ухо.

Это был не человек. Это был ветер — тот самый, который проникал сквозь обшивку старого корабля, словно обшивка была сделана из бумаги, а не из титана марки «Т-7». Ветер пах солончаком и далёким морозом, и в нём слышался голос — тонкий, как нитка, на которую нанизывают последние бусины перед тем, как ожерелье порвётся.

«Ты проспала дрейф, дура», — сказал ветер.

Пайпер села в кресле. Корабль «Серая Лунница» покачивался на границе пояса астероидов, и за обзорным стеклом разворачивалась картина, которую ни один художник Солнечной системы не сумел бы передать — потому что художники работают в трёх измерениях, а здесь их было четыре. Астероиды двигались не только в пространстве, но и в вероятности, мерцая на границе реального и возможного. Одни — тёмные, бугристые, как старые орехи — существовали почти наверняка. Другие, полупрозрачные, голубоватые, могли быть, а могли и не быть, и от этого их хотелось коснуться.

Пайпер не тронула. Она знала, что бывает с теми, кто касается вероятностных тел. Ничего хорошего, разве что исчезновение — а исчезновение, в сущности, ничего хорошего.

Она протянула руку к пульту и проверила курс. Потом — навигационную карту. Потом — навигационную карту ещё раз, потому что в первый раз не поверила.

Карты не было.

Точнее — карта была. Но вместо семи слоёв, которые Пайпер заложила в память перед отлётом с Титана, оставался один. Базовый. Голый. Системные координаты без кодов перехода, без меченых коридоров, без тех тайных троп, на которые Она потратила три года и половину рассудка.

Кто-то выгреб карту, пока она спала. Выгреб тихо, как ветер выгребает тепло из щелей. — Рэм, — сказала Пайпер вслух.

Она не ждала ответа. Рэм был на другом корабле — «Железный Дрозд», в трёх тысячах километров левее по орбите. Они держали строй: «Лунница» и «Дрозд», как два клинка в ножнах одного факела. Так полагалось при дрейфе через пояс, так требовал протокол Внешнего Флота, и Пайпер, вообще-то, не очень-то уважала протоколы, но этот уважала — потому что он был написан кровью, и не в переносном смысле, а в самом прямом: буквы протокола были выведены именно кровью, старым способом, от которого Система отказалась ещё до её рождения.

Она вызвала Рэма по ближней связи.

Тишина.

Она вызвала ещё раз.

Тишина — но не пустая. В ней что-то дрожало, как дрожит струна, которую тронули и отпустили. Кто-то был на той стороне. Кто-то слушал. И не отвечал.

— Рэм, — сказала Пайпер в третий раз, и голос её изменился. Не стал громче — стал уже. Как лезвие, которое точат не для красоты, а для дела.

— Я здесь, — сказал Рэм.

И Пайпер впервые за долгое время захотелось заплакать. Она не заплакала. Она была из тех, кто не плачет, а делает — и именно поэтому с ней происходили истории, от которых другие плачут.

— У тебя целы карты? — спросила она.

Пауза. За паузой — шум, который Пайпер узнала: Рэм дышал через сжатые зубы. Так он дышал, когда думал. Он всегда думал слишком долго для человека, который умеет стрелять быстрее, чем думает. Пайпер любила в нём эту медленность. Ей казалось, что за этой медленностью прячется нечто огромное, как за медленностью ледника, который течёт, но не торопится, и всё-таки добирается до моря.

— У меня — целы, — сказал Рэм. — Но я знаю, что у тебя — нет.

— Как ты знаешь?

— Потому что я вижу твой корабль, Пайпер. И я вижу, что кто-то был рядом с ним. В твоём левом контуре — след от стыковки. Маленький, аккуратный. Это не астероид. Это была капсула.

Пайпер посмотрела на левый контур через внешний монитор. След был. Маленький, аккуратный. Как поцелуй, который оставляют на щеке, когда не хотят, чтобы заметили.

— Предатели, — сказала она.

— Предатели, — подтвердил Рэм.

Так они произнесли это слово — без злобы, без удивления. Как произносят имя болезни, которую давно ждут и всё равно не готовы встретить. Предатели Солнечной системы — те, кто решил, что старые миры должны сгореть, а на их пепелищах вырастет что-то новое, лучшее, — были самой старой и самой свежей угрозой одновременно. Старой — потому что предательство existed с тех пор, как первый человек посмотрел на солнце и подумал: «А что, если без него лучше?» Свежей — потому что три недели назад они вышли из тени. Три недели назад их корабли появились на границе пояса Койпера, и Внешний Флот получил первое предупреждение: карта Системы — все семь слоёв, все тайные коридоры, все коды перехода — стала мишенью.

Кто владеет картой — владеет Системой. Кто владеет Системой — решает, кому сгореть.

Пайпер и Рэм везли копию карты на внутренние миры. Это была их задача — простая, как нож, и такая же опасная. Два корабля, два пилота, одна карта, разделённая на два слоя: первый — у Пайпер, второй — у Рэма. Так полагалось: даже если один корабль потеряют, второй доведёт половину, а половина карты — это не половина правды, это половина пути, и путь дороже правды.

Теперь у Пайпер не было даже половины.

Глава 2. Рэм и соль на губах

Рэм смотрел на «Серую Лунницу» и думал о том, как странно устроена боязнь.

Он не боялся за себя. Он не боялся за карту — карта была при нём, вшита в подкладку его лётного костюма, на ткани, пропитанной частицами магнитного железа, и ни один сканер Системы не мог её считать, потому что Рэм сам был сканером — он читал карту кожей, как слепой читает шрифт, и мог воспроизвести свой слой по памяти, с закрытыми глазами, в полной темноте, под огнём.

Он боялся за Пайпер.

Это была самая бесполезная боязнь, какую он знал. Пайпер не нуждалась в защите — она нуждалась в том, чтобы её не задерживали. Она была быстрее его. Быстрее большинства. Она управляла кораблём так, как дирижёр управляет оркестром — не палочкой, а волей, и «Лунница» слушалась её не потому, что была запрограммирована слушаться, а потому что хотела. Пайпер разговаривала со своими кораблями. Не метафорически — буквально. Она говорила им слова, и корабли меняли курс, иногда — против расчётов, иногда — против логики, и оказывались правы.

Рэм не умел так. Его корабли слушались команд, не слов. «Дрозд» был верным, но глухим — как хороший пёс, который понимает «сидеть» и «фас», но не понимает «мне грустно».

«Мне грустно», — подумал Рэм, и удивился, потому что не знал за собой этой привычки — грустить посреди дрейфа. Но рядом с Пайпер он узнавал в себе привычки, которых раньше не было, и каждая новая привычка была похожа на комнату, которую он раньше не замечал в собственном доме. Комнату с окном, с светом, с растением на подоконнике. Растение было фиолетовое, и Рэм не знал, что это за растение, и что за свет, но ему нравилось заходить туда и стоять, глядя, как растение шевелит листьями, хотя ветра нет.

«Вот это», — думал он, — «вот это и есть то, о чём не пишут в протоколах Внешнего Флота».

Протоколы писали о дисциплине, о дистанции, о запрете на привязанность между пилотами одного звена. Привязанность — помеха. Привязанность — уязвимость. Если ты привязан, противник возьмёт за привязку и потянет, и ты пойдёшь, потому что не можешь не пойти.

Рэм знал, что это правда. Он знал это с такой же ясностью, с какой знал, что вода мокрая. И всё-таки стоял в комнате с фиолетовым растением и не хотел выходить.

— Пайпер, — сказал он в связь, — мы не можем идти прежним курсом. У тебя нет карты. У меня — есть, но один слой — это полкарты, а полкарты — это полпути, и я не знаю, куда ведёт вторая половина.

— Я знаю, — сказала Пайпер.

— Ты знаешь? — Рэм моргнул. — Ты только что сказала, что у тебя нет карты.

— У меня нет карты. Но я помню.

— Помнишь? Три года работы, семь слоёв, четыреста кодов перехода — и ты помнишь?

— Я помню всё, Рэм. Я просто иногда забываю, что помню. Дай мне минуту.

Рэм дал ей минуту. Потом ещё одну. Потом — ещё. Он был щедр на минуты, когда речь шла о ней, и скуп — когда о чём-то другом, и это тоже было похоже на комнату, которую он раньше не замечал.

«Дрозд» покачивался на дрейфе, и за обзорным стеклом менялось небо. Здесь, на границе пояса, небо не было чёрным — оно было цветным, но цвета были неправильные, сдвинутые, как будто кто-то взял спектр и сдвинул на полтона, и красный стал рыжим, а синий — зелёным, а белый — серебряным, но не холодным, а тёплым, как молоко, которое чуть-чуть нагрели. Звёзды здесь были не точки, а крошечные дуги — следы от того, что пространство в поясе было не ровное, а изогнутое, и свет звёзд огибал изгибы, оставляя метки, как пальцы оставляют метки на мягком воске.

Рэм смотрел на это и думал: «Вот бы показать ей». Это была самая простая и самая невозможная мысль. Показать — значит повернуть «Дрозд» и подойти к «Луннице» борт к борту, открыть люки, пройти по переходному рукаву и оказаться рядом с ней, в её мире, где корабли слушают слова, а ветер говорит на ухо. Но протокол запрещал. Протокол — палка о двух концах, и оба конца тупые.

— Рэм, — сказала Пайпер, — я вспомнила. У меня есть курс. Но нам нужно идти через Рифовые Ворота.

Рэм почувствовал, как холод пробежал по спине — не от страха, а от узнавания. Рифовые Ворота — проход между двумя вероятностными астероидами на внутренней границе пояса — были самым коварным местом на маршруте. Скалы там дышали. Не метафорически — буквально: вероятностные тела расширялись и сжимались, и в одну секунду проход был широк, как парадный зал, а в следующую — узок, как горлышко кувшина. И те, кто не успевал, — исчезали. Не погибали — исчезали. Их корабли уходили в вероятность, становились возможными, а потом — невозможными, и всё.

— Через Рифовые Ворота, — повторил Рэм. — С одним слоем карты. Без второго слоя мы не знаем, в какой момент Ворота сужаются — таймер сжатия был в твоём слое, Пайпер.

— Таймер был в моём слое, — согласилась она. — Но таймер — это число, Рэм. А число — это ритм. А ритм я чувствую.

— Чуешь.

— Да. Как музыку. Ворота дышат, и в их дыхании есть ритм — вдох, пауза, выдох, пауза, вдох. Мне не нужен таймер. Мне нужны уши.

Рэм закрыл глаза. Он стоял в комнате с фиолетовым растением, и растение шевелило листьями, и в этом шевелении был ритм — вдох, пауза, выдох, пауза. Он не знал, что это значит. Он не был из тех, кто чувствует ритм. Он был из тех, кто доверяет тем, кто чувствует.

— Хорошо, — сказал он. — Рифовые Ворота. Ты ведёшь. Я — за тобой.

— Ты не должен.

— Я знаю.

— Протокол запрещает.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что ты чувствуешь ритм, Пайпер. А я чувую тебя. И этого достаточно.

Глава 3. Те, кто предал солнце

Их звали Коллективом — но это было не имя, а отсутствие имён. Предатели Солнечной системы не носили имён, потому что имена — это привязанность, а привязанность — уязвимость, и они выучили этот урок лучше, чем кто-либо, и выучили его на чужом примере. Они смотрели на Внешний Флот, на пилотов, которые летели парами, и видели в этом парности слабость: двое, которые не могут друг без друга, — это дважды одна мишень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.